

Так назначено судьбой: служба дни и ночи

История не стоит на месте. Каждый её год ознаменован памятными датами. Вот и Бичура, как вся республика, накануне знаменательных событий. В 2013 году отметим 90-летний юбилей образования Бурят-Монгольской АССР и её народной милиции. Однако, первые попытки создания правоохранительных органов были сделаны ещё в 1918 году, когда выстрел «Авроры» докатился до такой глухомани и медвежьего угла, каким было Забайкалье, и в 1920 году – во времена «буферной» Дальневосточной Республики (ДРВ) в составе РСФСР. Через два с небольшим года, в 2015-м, исполнится 80 лет Бичурскому району, выделенному из состава Читинской области. Тогда в Бичуре началось создание государственных и административных учреждений, в том числе, и народной милиции. С этой даты, 1935 год, и ведётся отсчёт истории правоохранительных органов в нашем районе.

В начале пути

Меня побудила обратиться к этой теме просьба Руслана Ивановича Дорофеева, начальника Отдела МВД России по Бичурскому району, и то, что в архивах отдела начальный период истории милиции да и последующие этапы отражены очень скупо. Эта тема никогда не была мне безразличной, что и вылилось в книгу «Генеральские звёзды» о генералах МВД – уроженцах Республики Бурятия. Она посвящена 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и 200-летию Указа Петра I о создании МВД России. Во всем этом имел место и личный мотив. Работая над книгой, я не однажды обращалась к заместителю министра Внутренних Дел Бурятии полковнику Герману Корнеевичу Языкову, Заслуженному работнику МВД СССР. Он оказался моим ровесником, и в детстве, что называется, мы топтали одну землю в Улан-Удэ и жили практически на одной улице. Он знал родительскую семью моего отца Дмитрия Андрияновича Овдина. Моя бабушка, в 30-е годы переехавшая с семьёй из Малеты в Улан-Удэ, всю жизнь проработала вахтёром в Советском отделе милиции. На одной из своих книг о правоохранительных органах Бурятии, подаренных мне, Герман Корнеевич сделал дарственную надпись, в которой есть и такие слова: *«Знаю, что в истории милиции Бурятии 30-х годов вписана фамилия Д.А. Овдина, одного из сотрудников Малетинской милиции. Так что к её истории Вы имеете самое непосредственное отношение»*. Сказано, конечно, сильно, но то, что я дочь милиционера, – правда. Это и было вторым побудительным моментом обращения к данной теме. Сегодня, 9 ноября, моему отцу исполнилось бы 103 года.

В архивах МВД Бурятии сохранились воспоминания участников создания народной милиции республики, написанные иногда на листках из школьных тетрадей в клеточку, некоторые – карандашом, корявым почерком малограмотных выходцев из крестьянских и рабочих рядов, – таковы бесценные свидетельства милиционеров 20-х годов. Это – живое слово сотрудников из бывших партизан, направленных на борьбу с бандитизмом в первые годы Советской власти, в трагические 30-е, в военный и послевоенный периоды. До недавнего времени были живы те, кто знал их и оставил свои свидетельства, сохранившиеся, в том числе, и в моих записях со слов очевидцев. Из всего этого да ещё архивных документов и соткана данная статья.

История разных поколений милиционеров как в 30-е годы, так и сегодня вызывает различные чувства, но она заслуживает спокойного, пристального взгляда – без гнева и пристрастия. Хотелось, чтобы облик людей в погонах, для которых долг превыше всего, остался в памяти нынешнего и последующих поколений.

Формирование Бичурской милиции началось с назначения начальника отделения и мобилизации в её ряды бывших партизан, активистов, главным образом, из числа комсомольцев и населения. Первым начальником Бичурского отделения был назначен **Иван Петрович Жуков** (на снимке). Он родился в 1900-м году, прожил всего 59 лет, 36 из них отдав однажды избранной профессии. О начале своей работы, в том числе, и о снабжении сотрудников так называемым «тыловым пайком», он вспоминал:

«Материальное обеспечение милиционеров было крайне отвратительным. Первую шинель и гимнастёрку я получил через 4 года после начала работы в милиции, то есть в 1924 году, а до этого ни обмундирования не было, ни постоянной зарплаты, ни квартиры. Но мы жили и работали во имя идеи построения коммунизма, это было главное, всё остальное – второстепенное».

Свою службу И.П. Жуков начал в должности милиционера в Красноярском крае (тогда Енисейская губерния). Работал участковым уполномоченным, заместителем начальника и начальником районной милиции. В 1933 году в порядке укрепления кадрами Забайкалья Иван Петрович назначается начальником Малетинского, а с 1935 года – Бичурского отделения милиции. Накануне войны он был переведён в Улан-Удэ на должность заместителя начальника ОБХСС МВД Бурятии. В 1956 году ушёл в отставку. О преданности Жукова профессии, его мастерстве, успехах и полной самоотдаче немало говорят награды ветерана: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, многие медали.

Феномен «карателя» Васильева

Представим одного из сотрудников милиции немислимо далёких 20-30-х годов. Звали его **Луферт Фолуменович Васильев**. Но начнём с «личного». В 50-х и последующих годах моя родительская семья жила в центре Бичуры на улице Ленина по соседству с двумя братьями Васильевыми. Помню Агапа Фолуменовича. Высокий, косая сажень в плечах, он был великим мастером-печником. Без работы не сидел, как сказали бы сейчас, был востребован. А вот Луферта Фолуменовича я уже не застала в живых. Говорят, это был «справный мужик», такого же богатырского роста, красивый и очень спокойный. Хорошо помню его жену, которую по деревенским обычаям звали по имени мужа – «Луфериха». Настоящее её имя Акси́нья. В 60-е годы это была маленькая старушка, одетая кое-как, кажется, дальше своего двора она никуда не выходила. Жена милиционера была родом с Украины. Как она сюда попала, где пересеклись её дороги с будущим мужем, уже не узнать. Вспоминала, как ехала в Сибирь: «Горы, горы, лес без конца». В молодости была удивительно красивая, светловолосая, с глубокими голубыми глазами и мягкой певучей речью. Мне рассказывали, она была очень чистоплотная и на окнах у неё появились чуть ли не первые в Бичуре вышитые полушторки. В пору моих школьных лет избёнка Васильевых была только что не на курьих ножках. Два окна в улицу, через которые с дороги видно убранство в доме, входная дверь низкая, и хозяин, наверное, мог войти, только пригнув голову. Зато во дворе рос роскошный тополь, под ним в тени скрывалась от жары старая милицейская лошадь. Муж ушёл в мир иной рано, детей у Васильевых не было, и бабушка Акси́нья завершила свой земной путь в доме престарелых. Ничего не осталось и от их усадьбы, только вековой тополь по-прежнему возносит свои ветви к небу.

С кем бы я ни говорила об одном из первых милиционеров Бичуры, все отмечают его порядочность, честность и справедливость. Одно время он работал в принудительном бюро милиции (ныне УИН). Контингент Л.Ф. Васильева – люди, попавшие за хулиганство, воровство, семейный дебош. Осужденные выполняли принудительные работы, главным образом, это была уборка территории села. Был такой случай. Однажды по осени мужики, сидевшие за «принудиловку», уговаривали своего начальника отпустить их в тайгу: хребет богатый был. И что вы думаете? Отпустил! Вернулись они и привезли своему благодетелю орехов, может мешок, может больше. Постоял, посмотрел, положил в карман две горсти орехов: «А это всё домой везите, ребятишек одевайте. Мне надо будет, на базаре возьму».

Он был очень неравнодушный человек. Видит, пацаны хулиганят – мимо не пройдёт. Камень подросток в канаву бросил – и ему делает замечание. «Этот человек никого не боялся и сильно не притеснял», – с большим уважением говорил Василий Осипович Васильев о своём соседе.

В книге Владилена Андреевича Иванова «Всполохи» автор представил читателю удивительный феномен этого «карателя». «С организацией в Бичуре сельсовета появилась

милицейская власть, действительно народная, неоплачиваемая. К выполнению милицейских функций был привлечён честнейший, спокойнейший, добродушный, бескорыстный безграмотный большевик. В то сложное и нищенское время революцию делали истинные преобразователи и делали её на энтузиазме. Одним из них и был Васильев Луферт Фолуменович. Позднее, где-то во второй половине 30-х годов, я неплохо узнал его. Луферт Фолуменович – здоровущий дядя в старом красноармейском обмундировании, обмотках на ногах. Был у него «воронок» – большая ленивая рыжая кобыла, запряжённая в длинные дроги. Жил этот народный милиционер за счёт того, что вместе с братом Агапом хорошо умели бить печи из глины.

Методы его милицейской работы стали легендой. Если по редкой необходимости надо было привлечь нарушителя к порядку, то есть посадить в каталажку и прочее, то этот милиционер сначала предупредит его, чтобы тот помылся в бане, собрал харчишек, «... а завтра я за тобой, Антоха, заеду». Такой умиротворенный подход к нарушителям порядка, думаю, был основан на полном, безоговорочном доверии народа к сотруднику милиции.

В эти же 20-е годы в милиции работал будущий Герой Советского Союза **Ефим Иванович Соломенников**. Он рассказывал об этом сам, это зафиксировано в его анкетах. Остаётся найти подтверждение данного факта в архивах.

Не щадя своей жизни

Повествованием о первом начальнике Бичурского отделения милиции мы несколько нарушили хронологию, опередив историю мартовских событий 1930 года.

Крестьянство Забайкалья, достаточно независимое, не знавшее крепостного права и помещиков, на любом этапе своего развития всегда оказывало активное сопротивление любым попыткам ущемления своих интересов. Начало коллективизации и связанные с этим многочисленные перегибы партийных органов вызвали недовольство зажиточного крестьянства и зависимых от них работников, тогда называемых «подкулачниками». Так были спровоцированы вооружённые выступления в Мухоршибири и Бичуре. К весне 30-го года волнения достигли небывалого размаха и небывалой ярости. Конспиративная подготовка к восстанию велась в течение всего 1929 года. В Окино-Ключах (село относилось к Кяхтинскому району) замыслы заговорщиков удалось сорвать. Вот что вспоминал зам. начальника Кяхтинской милиции И.В. Вершинин:

«Летом 1929 года один из жителей села Окино-Ключи сообщил, что у местного кулака начали появляться незнакомые люди. С помощью населения удалось установить, что гости наведывались из Бичуры, Мухоршибири, Кяхты и даже из города Петровский Завод. Стало известно также, что в конце сентября здесь назначено совещание, на котором речь пойдет о дне начала контрреволюционного восстания против Советской власти. Для встречи гостей мы подготовились основательно. Несколько дней держали в засаде вооружённый отряд, а когда стало известно, что собрание началось, окружили усадьбу и ворвались внутрь. Было арестовано около тридцати человек.

Позднее оказалось, что собрались на совещание не все заговорщики. Не прибыли в тот день Арсентьев, Сизых, Сметанин, братья Шихановы. Как только они узнали о разгроме явочной квартиры, оставшаяся группа перебазировалась в местность Яричная падь (так в документе. - Н.К.). Здесь к ним примкнули письмоносец Троицкосавской почтовой конторы Ефим Истомин – бывший писарь штаба атамана Семёнова. Руководителем группы стал Яков Арсентьев. Но и эта группа через три месяца была выслежена и арестована».

Удачной была операция Малетинских милиционеров в первый день мятежа. Отряд во главе с сотрудником НКВД **Макаром Семёновичем Яковлевым** внезапно напал на банду, стоявшую в Узком Луге. Кстати, хотелось бы напомнить имя человека, на плечи которого наряду с начальником милиции легла вся тяжесть ответственности и борьбы с хорошо подготовленными к восстанию мятежниками. Это начальник Малетинского ОГПУ **Калистрат Филимонович Афанасьев** (кажется, его родственники проживали в Новосретенке).

Итак, планы мятежников в Окино-Ключах и Узком Луге сорваны. Однако, в других селах добиться подобного успеха не удалось.

В разных источниках приходилось встречать фамилию милиционера Платонова. Бывший член боевой группы села Никольск Григорий Егорович Калашников вспоминал:

В селе Малый Куналей были внезапно схвачены и расстреляны милиционеры Пётр Александрович Желтоухов и Фёдор Иванович Мошин. В этот же день, третьего марта 1930 года, в селе Поселье Бичурского района был захвачен и расстрелян милиционер Кирилл Савватеевич Платонов.

В соседнем Шибартуе погиб его однофамилец **Николай Платонов**. Рассказываю со слов Чимита Митыповича Митыпова:

«Он был родом из Иркутской области, из Усть-Орды, а в Шибартуе работал по направлению. Жил в доме моего двоюродного брата. Имя Платонова было в чёрном списке повстанцев в числе тех активистов, кого планировали уничтожить в первую очередь. Под утро под окном его дома раздался резкий стук: «Выходи!». Конечно, Николай почувал неладное, выскочил как был, в белье, на крыльцо, держа в правой руке наган. Но выстрелить уже не успел. Не успел схватиться за деревянный столбик высокого крылечка, за которым он пытался спрятаться. Рухнул наземь на глазах помертвевших хозяев. Дом обложили соломой и уже хотели поджечь, но дедушка на коленях слёзно просил не лишать семью крова».

Кровавые события произошли в Малом Куналее. Повстанцами были внезапно захвачены начальник Малетинской милиции **Петр Александрович Желтоухов** и следователь **Фёдор Иванович Мошин**. Вот как это случилось. Боевая группа в составе всего-навсего трёх человек во главе с начальником Желтоуховым 3 марта выехала в Малый Куналей. Было решено собрать местных активистов в клубе, чтобы организовать отряд самообороны. Перед селом спешили, а с лошадьми под мостиком остался красный партизан В.М. Искандеров. В селе было тихо. Первым в клуб вошёл Желтоухов. Едва он переступил порог, раздался выстрел, начальник милиции был убит. Шедший за ним следователь Мошин понял, что опоздали. Он побежал навстречу мчавшейся по улице тройке. «Кто вы? – спросил он остановившихся. – Я Мошин». Его знали в районе, так как более пяти лет он служил в Малетинской милиции. Раздался выстрел. Мошин упал. В тот день в Куналее был учинен настоящий погром. Захвачены и убиты учитель комсомолец Василий Волков, коммунист Син-Чин, отпускники красноармейцы М.Е. Конечных, за боевые действия на КВЖД награждённый орденом Красного Знамени, и С.А. Смолин. Я видела жуткую фотографию похорон погибших. У раскрытых могил четыре гроба. В них в белых нательных рубашках убитые. Их лица изуродованы. Рядом – масса народа, в том числе бичуряне, прибывшие сюда 4 марта. Далее со слов своего отца Андрея Мануиловича рассказывает Владилен Андреевич Иванов. «Был хмурый день. Всё было тихо, никакого движения по улице. Село будто вымерло. Даже рыдания родных и близких возле клуба, куда свезли жертв бандитизма, были глухими. Люди, сняв шапки, в скорбном молчании отдавали дань уважения погибшим. Падавшие на открытые головы людей снежинки, тая, сбегали по лицам ручейками, словно сама природа оплакивала жертвы. Командир, сидевший верхом на лошади впереди отряда, держал на вытянутой руке клинок, отдавая последнюю воинскую почесть погибшим».

В селе Малета похоронены сотрудники милиции, а также Василий Блох, комсомолец, корреспондент газеты и двадцатипятилетний Николаев, председатель артели (вспомним Семёна Давыдова из «Поднятой целины»). Братская могила находится на территории средней школы. На мемориальной доске обелиска надпись: «Вечная память борцам за коллективизацию, погибшим от рук бандитов в марте 1930 года», и имена погибших. За два дня были замучены и убиты 29 активистов.

Время расставило акценты в оценке описанных событий. Сегодня однозначно-негативное отношение к крестьянским волнениям сменилось вдумчивым отношением к каждому участнику событий. Проанализированы причины. Сплошное раскулачивание, грубое

искривление линии партии на местах вызвали антисоветские настроения даже у такой прослойки, как бедняки и середняки. В 90-е годы КГБ Бурятской АССР с учётом вновь открывшихся обстоятельств многих и многих реабилитировал. Их имена – в девяти томах Книги Памяти репрессированных Бурятии. Реабилитация не применена лишь в отношении лиц, причастных к убийствам людей, и в отношении главных руководителей восстания. Виновные наказаны, невиновные, вовлечённые в это кровавое действие, реабилитированы. А имена погибших, в том числе, сотрудников милиции, не знавших ни сна, ни отдыха, ни наград, ни сытой жизни, должны остаться в памяти народной.

Нелли Коробенкова